

Стрельбицкий Иоанн Хрисанфович

**История русского раскола,
известного под именем
старообрядчества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И75

И75 **Иоанн Хрисанфович С.**
История русского раскола, известного под именем старообрядчества / Стрельбицкий Иоанн Хрисанфович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 241 с.

ISBN 978-5-519-75586-3

Составлено применительно к программе для духовной семинарии

ISBN 978-5-519-75586-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИСТОРИЯ

русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества.

ГЛАВА I.

Происхожденіе раскола.

Важнѣйшія причины, подготовившія расколъ въ русской церкви. а) Приверженность русскаго народа къ обрядовой сторонѣ религіи.

Одной изъ причинъ, подготовившихъ расколъ въ Русской церкви, была приверженность русскаго народа къ обрядовой сторонѣ религіи. Эта приверженность можетъ быть объяснена, съ одной стороны, игомъ язычества, тяготѣвшимъ надъ до-христіанскою Русью, съ другой, — низкимъ уровнемъ умственнаго развитія нашихъ предковъ, на зарѣ исторіи не могшихъ понять глубокихъ истинъ христіанской религіи. Какъ извѣстно, заклинанія, волшебства, обстановка полная таинственности и пустая содержаніемъ — всегда составляли отличительную черту язычества. Всецѣло покоясь на внѣшности, язычество жило и покоряло темныя массы множествомъ безсодержательныхъ, какъ и само оно, обрядовъ. Предки наши, свыкшись съ обрядами въ язычествѣ и полагая въ нихъ сущность религіи, перенесли

свой взглядъ и на христіанство. Неподготовленные къ его принятію (большинство было таковыхъ), не отставшіе отъ языческихъ привычекъ, наши предки, послѣ крещенія, долго еще считались христіанами только по имени, а въ душѣ оставались тѣми-же язычниками, имѣя у себя и волшебниковъ, и языческихъ боговъ, и праздники съ анти-христіанскимъ характеромъ. И чѣмъ менѣе языческая Русь могла уяснить себѣ духъ христіанства, высоту его ученія, тѣмъ болѣе обращала вниманіе на его внѣшность. Но, къ сожалѣнію, на внѣшности это вниманіе и останавливалось, ибо большинство не только не понимало значенія внѣшнихъ дѣйствій и обрядовъ, но даже не знало, что внѣшнее дѣйствіе или обрядъ есть только завѣса, прикрывающая Божественную истину. Привязавъ свой умъ къ внѣшнему выраженію христіанства, наши предки не обращали, или правильнѣе, не въ силахъ еще были обратить вниманіе на его внутреннюю сторону. Свѣтъ вѣры въ самомъ существѣ ея былъ еще слишкомъ яркимъ для слабыхъ духовнымъ зрѣніемъ, недавно принявшихъ христіанство нашихъ предковъ. Между тѣмъ средство, при помощи коего можно было-бы исправить эту односторонность — умственное развитіе, — просвѣщеніе было такъ-же юно на Руси, какъ и само христіанство. Такимъ образомъ, съ одной стороны, навыкъ къ обрядамъ въ язычествѣ, съ другой, — отсутствіе просвѣщенія были причинами односторонней привязанности къ религіознымъ обрядамъ нашихъ предковъ съ принятіемъ ими христіанства. Эти же самыя причины дѣйствовали и въ дальнѣйшемъ періодѣ его развитія, въ періодѣ его исторической юности. И въ это время слѣды обрядоваго направленія замѣтны во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ князей и

оканчивая простолюдинами. По свидѣтельству лѣтописцевъ, князья по преимуществу заботились о видимой внѣшней сторонѣ религіи, за князьями же слѣдовали и остальные; всѣхъ вообще мало интересовало содержаніе христіанской религіи, высота ея ученія, но они считали предметъ величайшей важности соблюденіе уставовъ, касающихся внѣшняго благоповеденія. Само духовенство того времени мало чѣмъ разнилось отъ своихъ пасомыхъ; даже представители его — русскіе архіепастыри — не чужды были общей обрядовой жизни. Это доброе само по себѣ, благочестивое направленіе могло, при отсутствіи умественно-религіознаго развитія, привести къ той односторонности, что церковную внѣшность — чины, уставы, обряды — стали отождествлять съ догматическими вѣрованіями, усвоить ей значеніе неизмѣнности.

Развитіе обрядовой стороны религіозной жизни русскаго народа, развитіе ея до односторонности, до отождествленія съ догмой вѣроученія, усиливается особенно ко времени Стоглаваго собора (1551 г.). Значеніе обрядовъ въ это время возросло до того, что преступить какой либо самый незначительный изъ нихъ — значило нарушить весь религіозный строй жизни. Религія представлялась чѣмъ то внѣшнимъ.

На такой-то религіозно обрядовой почвѣ возникли споры объ *аммиѣ* и о *посолюнномъ хожденіи*. Эти споры были родоначальниками всѣхъ остальныхъ раскольничьихъ распрей, легшихъ въ основаніе русскаго раскола. Первое извѣстіе о возникновеніи такихъ споровъ и рѣшеніи ихъ церковною властію мы встрѣчаемъ въ началѣ XV в. Именно, митрополитъ Фотій, рѣшая разные вопросы церковной практики, писалъ псковскому

духовенству (1419 г.), что произносить аллилуіа должно три раза, а четвертый разъ—„слава Тебѣ Боже“. Это краткое извѣстіе даетъ возможность видѣть, что среди псковичей въ то время были уже разногласія относительно аллилуіа, что произносили ее не три раза, а какъ-нибудь иначе.

Нѣсколько позднѣе, около половины XV в., споры объ аллилуіа усиливаются. Мѣстомъ ихъ по прежнему былъ тотъ-же Псковъ. Здѣсь, въ одномъ монастырѣ вопросъ объ аллилуіа занималъ препод. Евфросина, который, по сказанію его житія, много скорбѣлъ и «сѣтовалъ безмѣрною печалію предъ Богомъ о пресвятыя аллилуіа», не зная сугубить или трегубить ее. Полный сомнѣній, преподобный Евфросинъ отправился въ Царьградъ, бесѣдовалъ съ патріархомъ, слушалъ богослуженіе въ соборной Софійской церкви, обошелъ многія св. мѣста и честные монастыри и вынесъ убѣжденіе, что слѣдуетъ „дважды глаголати пресвятая аллилуіа“. Разрѣшивъ такимъ образомъ свои сомнѣнія, препод. Евфросинъ, по возвращеніи въ свою обитель, установилъ чинъ сугубить аллилуіа. Но лишь только въ Псковѣ стало извѣстнымъ такое нововведеніе препод. Евфросина, противъ него вооружилось все псковское духовенство. Особенно сильны были нападки священника Іова, пользовавшагося во Псковѣ большою извѣстностью за свою ученость. Іовъ прямо называлъ препод. Евфросина еретикомъ. Споры разгорались сильнѣе и сильнѣе. Къ преподобному, для убѣжденія оставить новшество, посланы были въ обитель діаконъ Филиппъ и неизвѣстный священникъ „оба мудра зѣло философа“. Посланные доказывали препод. Евфросину, что установленный имъ чинъ — сугубить аллилуіа — новый; что церкви Бо-

жии „издревле навыкли троить ее“ и что послѣдній обычай болѣе правильный, такъ какъ въ Богѣ три лица и аллилуіа слѣдуетъ произносить во славу каждого изъ нихъ. Но преп. Евфросинъ стоялъ на своемъ и, въ оправданіе сугубой аллилуіи, указывалъ спорившимъ на обычай вселенской церкви. Такая защита Евфросиномъ сугубой аллилуіи еще болѣе вооружила противъ него псковичей: его открыто стали называть еретикомъ и, проходя мимо его монастыря, не хотѣли дѣлать поклона. „Вотъ тутъ, — говорили, — авва-еретикъ живетъ; не слѣдуетъ и церкви его кланяться“. Находясь въ такомъ печальномъ положеніи, преп. Евфросинъ обратился къ архіепископу новгородскому Евфимію съ просьбой разрѣшить возникшіе споры и защитить его отъ преслѣдованія и жестокаго обращенія съ нимъ псковскаго духовенства, въ особенности Іова. Евфимій, однако, не внялъ этой просьбѣ и отвѣчалъ препод. Евфросину, что онъ по своей немощи не въ состояніи постановить что-либо опредѣленное касательно произношенія аллилуіа. Такимъ образомъ, вопросъ объ аллилуіа, согласно житію преп. Евфросина, не былъ разрѣшенъ до самой кончины послѣдняго (1481 г.). Что дѣйствительно споры объ аллилуіа продолжались еще въ предѣлахъ новгородской архіепископіи въ XV в., это видно изъ посланія грека Димитрія Толмача къ новгородскому владыкѣ Геннадію въ 1493 г. Въ своемъ посланіи Димитрій говоритъ, что и въ Греціи шли споры относительно произношенія аллилуіа, которая и трегубилась въ честь св. Троицы и сугубилась для выраженія мысли о двухъ естествахъ во Христѣ. „Ино какъ ни молвить, чловѣкъ мыслию, такъ и добро“ — добавилъ при этомъ Димитрій. Эти самыя мысли почти тѣми-же словами

повторилъ архіепископъ Геннадій въ своемъ сочиненіи «о мірѣтворномъ кругѣ».

Въ томъ-же XV в. возникли споры о посолонномъ хожденіи (по-солонь, по солнцу). Начало ихъ относится къ 1478 году, т. е. ко времени освященія Московскаго Успенскаго собора. Въ это время великому князю Іоанну III донесли, что м. Геронтій совершилъ освященіе не по солнцу. Великій князь прогнѣвался на святителя за такое отступленіе и сказалъ, что „за это гнѣвъ Божій приходитъ“. Вопросъ по времени былъ слишкомъ важенъ, чтобы остаться неизслѣдованнымъ. Для рѣшенія его, стали наводить справки въ богослужебныхъ книгахъ, по желанныхъ подтвержденій законности посолони нигдѣ не нашли. Споры между тѣмъ усиливались: одни изъ спорившихъ стояли за владыку, другіе были на сторонѣ князя. Послѣдній для состязаній по возбужденному вопросу вызвалъ владыку ростовскаго Вассіана и архимандрита Чудова монастыря Геннадія. Оба они защищали посолонное хожденіе; но особыми свидѣтельствами его не подтвердили. Митрополитъ же представилъ въ защиту своего мнѣнія то соображеніе, что кадятъ въ церкви обыкновенно противъ солнца, слѣдовательно, и крестный ходъ долженъ быть совершаемъ противъ солнца. Долго препирались спорившіе, но „истины не обрѣтоша“. Между тѣмъ храмы строились и не освящались вѣлѣдствіе отсутствія точныхъ указаній, какъ ходить: по-солонь или противъ солнца. Митрополитъ не хотѣлъ отказаться отъ своего мнѣнія и удалился въ Симонову обитель, оставаясь тамъ до тѣхъ поръ, пока великій князь не предоставилъ ему права поступать въ практикѣ спорнаго вопроса, какъ ему угодно. Такимъ образомъ, вопросъ о хожденіи по-солонь

остался открытымъ: ходить-ли по солнцу или противъ солнца — устава не учинили.

Означенные споры показываютъ, до какой уже степени въ XV в. придавалось значеніе обычаямъ, имѣвшимъ мѣсто въ обрядовой сторонѣ религіозной жизни русскаго народа. Сами по себѣ незначительные, обычаи эти волнуютъ общество, привыкшее усвоить обряду значеніе чего-то неизмѣннаго. Но если въ разсматриваемое время поднятые споры имѣли мѣстное значеніе и выражали собой несогласія между частными лицами, то спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, не далѣе половины XVI в., имъ стараются придать характеръ чего-то общерусскаго и общецерковнаго, и неправыя мнѣнія о нѣкоторыхъ обрядахъ прямо возводятся на степень догматовъ. Это мы видимъ въ такъ называемомъ Стоглавѣ или въ опредѣленіяхъ Стоглаваго Собора. Мнѣнія раскольниковъ, возводимыя въ сихъ опредѣленіяхъ на степень догматовъ слѣдующія: слѣдуетъ благословлять и креститься *двумя* перстами; надобно *сугубить* аллилуіа, не брить бороду и пр. Но надо замѣтить, что основанія, какія приводилъ Стоглавый Соборъ въ защиту означенныхъ мнѣній, весьма шатки и большею частью невѣрны. Съ другой стороны, большой Московскій соборъ 1667 года отмѣнилъ постановленія Стоглаваго собора относительно двуперстнаго сложенія, сугубой аллилуіи и пр., замѣтивъ, что они писаны по простотѣ и невѣдѣнію.

б) Крайняя скудость образованія во всѣхъ классахъ русскаго народа и въ самомъ духовенствѣ.

Второй причиной, подготовившей расколъ въ русской церкви, необходимо признать крайнюю скудость образованія русскаго общества, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, долго пребывавшаго во мракѣ невѣдѣнія. Хотя съ принятіемъ христіанства явилось на Руси религіозное образованіе народа и стали возникать школы, тѣмъ не менѣе просвѣщеніе въ ней прививалось весьма туго. Было оно дѣломъ слишкомъ новымъ, чтобы сразу пустить корни на такъ недавно еще языческой почвѣ. Когда при князѣ Владимірѣ стали отдавать дѣтей гражданъ въ книжное ученіе, то матери ихъ, рассказываетъ лѣтописецъ, плакали по нимъ, какъ по мертвыхъ. При князѣ Ярославѣ «нача вѣра христіанская плодиться и расширяться», а вмѣстѣ съ нею росло и увеличивалось просвѣщеніе Руси. Самъ князь любилъ книжное дѣло и въ другихъ поощрялъ любовь къ нему. Много было писано и переписано книгъ въ это время. Болѣе другихъ, на поприщѣ просвѣщенія выпало трудовъ на долю иноковъ. Но успѣхамъ христіанства и успѣхамъ просвѣщенія было не мало препятствій. Волхвы, друзья невѣжества и страстей, были злыми врагами христіанскаго просвѣщенія, сѣя старыя заблужденія на новой христіанской нивѣ. Не менѣе препятствовали просвѣщенію и иноплеменные народы, опустошавшіе поселенія русскихъ, каковы половцы и др. И въ дальнѣйшемъ періодѣ жизни русскаго народа представляется весьма мало условій, которыя могли-бы благопріятствовать развитію его образованія. Пламя Ба-

тыя истребило памятники образованности почти во всѣхъ концахъ Россіи, а иго монгольское давало просторъ лишь скорби и стонамъ объ общихъ бѣдствіяхъ. Дикій монголь одинаково былъ дикъ и въ язычествѣ, и въ магометанствѣ, и безпощадно жегъ груды книгъ, которыя собирали и берегли отъ его варварства. Съ другой стороны, междоусобія князей часто останавливали то, что начиналось для просвѣщенія. Хотя люди просвѣщенные и ученые были тогда на Руси, но въ общемъ образованіе не могло идти быстрыми шагами. Школъ было слишкомъ мало для обширной Руси и при томъ находились онѣ въ весьма печальномъ состояніи. Монастыри, разсадники вѣры и знанія, были одиночками пріютами просвѣщенія, если не считать школъ при архіерейскихъ каѳедрахъ. Что касается образованія духовенства, то за исключеніемъ архипастырей, оно не шло далѣе предѣловъ грамотности. О такомъ уровнѣ его образованія свидѣлствуютъ сами же наши тогдашніе владыки (митр. Кипріанъ и др.). Даже сѣверъ Руси, (гдѣ впервые обозначаются раскольническія мнѣнія), этотъ уголокъ пощаженный монголами, въ дѣлѣ образованія мало чѣмъ отличается отъ другихъ мѣстъ нашего отечества. Тамъ современная картина тогдашняго просвѣщенія описана новгородскимъ владыкою Геннадіемъ. „Вотъ, — пишетъ онъ, — приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, ктобы умѣлъ грамотъ“ и проч. Въ половинѣ XVI в. особенно было жалко положеніе духовнаго просвѣщенія. На это, между прочимъ, указывалъ и Стогла-

вый соборъ, замѣчая, что „отцы и мастера (ставленниковъ) сами мало умѣютъ и силы въ Божественномъ Писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ“. Эти свидетельства довольно ярко рисуютъ состояніе просвѣщенія въ той средѣ, которая по преимуществу должна была руководить другими, и тѣмъ болѣе имѣютъ значенія, что принадлежать лицамъ, близко стоящимъ къ духовенству. Если столь низкаго образованія было духовенство, то нечего говорить о массѣ народа. Въ немъ „мнящіеся быти учителями“ смотрѣли на просвѣщеніе, какъ на ересь, — на чтеніе книгъ, какъ на путь къ помѣшательству ума. При такомъ взглядѣ на образованіе, трудно, конечно, было осилить мракъ невѣжества. „Какое несчастіе, — говоритъ кн. Курбскій, — отнимаютъ оружіе (просвѣщеніе), которымъ-бы можно было обличить еретиковъ, а другихъ исправлять, и врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ“.

Дѣйствительно, Россія въ половинѣ XVI в. крайне нуждалась въ просвѣщеніи. Сѣмена раскола зрѣли уже на почвѣ невѣжества и отсутствіе свѣта знанія благопріятствовало этому. При недостаткѣ просвѣщенія, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше привыкали къ сборникамъ стараго времени, которые не могли отвѣтить на текущіе вопросы. Церковная письменность, какъ извѣстно, стала развиваться у насъ очень рано, но на первыхъ порахъ она истощивалась списываніемъ болгарскихъ и переводомъ греческихъ книгъ. Только второй періодъ нашей исторіи болѣе разнообразенъ; въ немъ встрѣчаются уже разные роды письменности, каковы поученія, посланія, проповѣди и пр. Но и этотъ періодъ отнюдь не богаче и не многоимъ выше предшествовавшаго. Наши предки по прежнему оставались учениками грековъ и южныхъ сла-